

— Раз читал, то скажи — прилежно ли?

— Прилежно, отец.

— Коли так, растолкуй мне «Пять искусств управления народом» из «Книги правителя области Шан».

Чу Суй, запинаясь, принялся пересказывать заученное:

— Пять искусств управления — это... это одурачивание народа, ослабление народа, изнурение народа, унижение народа и обеднение народа.

Он надеялся увидеть в глазах императора одобрение, но Чу Цзин лишь разочарованно прикрыл веки.

— Неплохо, — сухо обронил он.

«Раз ответ правильный, отчего же в глазах отца застыло разочарование?» — пронеслось в голове Чу Суя.

— Наследный принц.

— Слушаю, отец.

— Тебе, как будущему государю, тоже надлежит знать эти истины из «Книги правителя области Шан». Что скажешь ты?

Чу Юй опустил взор:

— Всё так, как ответил шестой брат. Одурачивание нужно, дабы слить мысли людей в единое русло: пусть трудятся, где велено, и пребывают в покое, где приказано. Ослабление же — суть одурачивания; оно подрывает силы для сопротивления и укрепляет трон. Изнурение велит находить для подданных бесконечные дела, дабы не оставалось у них времени на смуту. А унижение...

Его чистый, прохладный голос на мгновение смолк, прежде чем зазвучать вновь:

— Оно лишает людей достоинства и уверенности, приучая их трепетать перед чиновниками и чтить государя. Обеднение же оставляет семье лишь столько средств, сколько нужно для

выживания — дабы не впади они в леность и не забросили пашню. Государство стоит на земледелии, и лишь когда народ занят хлебом насущным, казна будет полна.

Он на миг поднял глаза на государя:

— Таковы пять искусств. Но есть и шестое: тех, кто не поддается ни одному из пяти, надлежит истреблять. В этом полнота власти.

Чу Цзин открыл глаза и долго, не мигая, смотрел на старшего сына. Затем он повернулся к побледневшему Чу Сую:

— Понял ли ты теперь, Суй-эр?

Голос младшего принца прозвучал глухо:

— Ваш сын понял. Мне не следует заучивать слова, не зная их сути.

Чу Цзин усмехнулся:

— Тебе еще далеко до брата. Старайся.

Минуло время, за которое догорает палочка благовоний, и император, чьи силы были на исходе, жестом велел сыновьям удалиться.

— Ступайте. И будьте прилежнее в делах.

— Слушаемся, отец.

Братья одновременно поклонились и вышли из зала Цинчжэн. Едва оказавшись за порогом, Чу Суй бросил на Чу Юя полный ненависти взгляд. Презрительно хмыкнув, он резко развернулся и зашагал прочь, не скрывая своего раздражения. Двери зала еще не закрылись, и каждое их движение отразилось в потемневших глазах Чу Цзина.

Чу Юй едва успел вернуться в Восточный дворец, как прибыл посланник от императрицы с приглашением на ужин.

Дворец Цися встретил его великолепием, подобающим обители законной супруги императора. За круглым столом из сандалового дерева уже были расставлены приборы. Императрица Гунье Нин, заметив сына, слабо улыбнулась:

— Юй-эр, ты пришел.

— Сын приветствует матушку.

— К чему эти церемонии между нами? Садись скорее.

За ужином царило молчание, но это было уютное, почти домашнее затишье — пока императрица не спросила:

— Твой отец вызывал вас с шестым принцем для проверки. Как всё прошло?

— На все вопросы отца были даны ответы.

— А что твой брат?

— Он делает успехи.

— И что же сказал император?

— Сказал, что нам обоим нужно стараться.

— И всё? Больше ничего?

Бамбуковые палочки с сухим стуком легли на край тарелки. Слуги, почуяв неладное, тут же пали ниц. Лицо государыни заледенело.

— Как это может быть всё? Разве твой отец не добавил, что «ему еще далеко до наследного принца» и нужно «больше усилий»?

Чу Юй взглянул на дрожащих слуг:

— Ступайте прочь. Нам с матушкой нужно поговорить наедине.

Едва двери за ними закрылись, юноша подошел к матери и мягко коснулся её плеча:

— Матушка, моё положение всё еще прочно. Не терзайте себя напрасно...

— Сегодня — прочно, а завтра?! — Она резко повернулась к нему. На её лице, прежде величественном и спокойном, проступила искаженная маска ненависти. Но гнев этот был

обращен не на сына, а на мужа. — Он хочет сместить тебя... Он спит и видит, как лишить тебя титула!

Её губы мелко дрожали:

— Когда он говорит, что «таланту шестого принца еще далеко до твоего», он не учебу имеет в виду! Он говорит, что тому «еще далеко до короны»! Он хочет, чтобы Чу Суй занял твоё место!

— Матушка, прошу вас, успокойтесь...

Но Чу Юй говорил в пустоту. Императрица, запертая в клетке собственных страхов, больше не слышала доводов разума.

— Сын мой! — Она мертвой хваткой вцепилась в его руки. — Если тебя лишат звания наследника, нам обоим не жить. Моя смерть — невелика потеря, но если погибнешь ты...

— Лишить принца титула не так-то просто, матушка, — мягко перебил её наследник. — Покуда я не совершаю ошибок, у отца нет повода для расправы.

— Но он — император! — вскричала Гунъе Нин. — Я знаю его сердце. Если он что-то вбил себе в голову, он пойдет до конца. В императорском доме нет места родству, и к тебе он не питает ни капли любви. Вся его нежность досталась этому никчемному выскочке Чу Сую! Ты просишь меня о покое, но как я могу быть спокойна?!

В порыве боли и ярости она оттолкнула сына и одним резким движением опрокинула стол. Фарфор разлетелся вдребезги, изысканные яства смешались с грязью. Под горячую руку попали и вазы, и тяжелые кресла. Там, где только что был уютный ужин, воцарился хаос.

Когда-то нежная и любящая женщина, став заложницей золотой клетки гарема, утратила себя, превратившись в комок болезненной одержимости.

— Чу Цзин... Будь ты проклят, Чу Цзин... — шептала она сквозь слезы, и в её голосе слышался надрывный плач раненой птицы.

После двух дней тряски Цзи Линьси наконец прибыл в Цзянлин. Сойдя на берег, он с наслаждением потянулся: путь по воде измотал его не меньше, чем повозка. За спиной висел туго набитый узел, а у ног стоял верный сундук, полный плодов его трудов.

Линьси глубоко вдохнул влажный речной воздух. Сейчас его томила лишь одна мысль: поскорее найти приличный кров, запереться в комнате и, обняв рукопись со своими

эротическими фантазиями о прекрасном принце, провалиться в глубокий сон.

Он прибыл за несколько дней до начала испытаний. Учитель Хуай предупреждал: со всей провинции в Цзянлин съедутся толпы соискателей, и те, кто замешкается, не найдут даже места на полу в общей зале.

Хотя до экзаменов было еще время, цены в постоянных дворах уже взлетели до небес. За ночь просили пятнадцать лянов, и Линьси понимал: через пару дней цена поднимется до двадцати. В его голове тут же проснулась жилка дельца. Он хотел было выкупить сразу несколько комнат, чтобы перепродать их втридорога, но не он один был таким умным. Хозяин лавки лишь сухо ответил, что на одно имя положена только одна комната.

Пришлось довольствоваться лучшими покоями для себя.

«Зачем страдать, если в кошельке есть серебро?» — такова была его нехитрая мудрость.

Едва оказавшись на мягкой постели, юноша почувствовал, как блаженство разливается по затекшим конечностям. Он счастливо вздохнул, перевернулся на бок и открыл сундук. Рука нырнула на самое дно и извлекла аккуратную стопку бумаги, исписанную мелким почерком.

Это было его «духовное пропитание», плод бессонных ночей. Цзи Линьси самодовольно улыбнулся своим мыслям.

Он подложил под спину подушку и принялся перечитывать свои пикантные откровения. Вся усталость от дорожной качки и бесконечных книг мгновенно испарилась. Линьси чувствовал себя так, словно погрузился в теплые воды целебного источника, который омывал каждую клеточку его тела. В его строках прекрасный принц был описан до мельчайшего изгиба плоти.

Крохотная родинка у края брови на снежно-белом лице...

Безупречные, сильные бедра...

Тонкий стан, который так и хотелось обхватить руками...

Прошло лишь несколько мгновений, а плоть юноши уже отозвалась жаром. Он не был из тех, кто привык ломать комедию перед самим собой. Почувствовав возбуждение, Линьси нежно коснулся губами края страницы, а затем достал заветную нефритовую шашку, уже чуть потертую от частого обращения. Прижав холодный камень к груди, он нырнул под одеяло и принялся за привычное, кропотливое дело.

Облегчившись, Линьси привел себя в порядок и тщательно вытер руки. Вернувшись к постели, он вновь сложил листы, бережно разглаживая каждую случайную складку, и спрятал рукопись обратно в сундук.

Сон поначалу разморил его, но, поразмыслив, он всё же взял в руки сборник стихов. Юноша читал, пока глаза не стали закрываться сами собой, и лишь тогда отбросил книгу, повернулся к стене и провалился в тяжелый сон без сновидений.

Он проспал добрых семь страж. Проснулся он на рассвете, когда в животе уже вовсю урчало от голода. Наскоро умывшись, Линьси спустился в общий зал и велел подать еды. Усевшись у окна, он принялся за трапезу, жадно впитывая обрывки разговоров за соседними столами.

Разумеется, все разговоры в Цзянлине вращались вокруг предстоящего экзамена.

— Да уж, в этом году беднякам придется несладко, — вздохнул один из гостей заведения.

— Это еще почему?

— Говорят, из столицы и Чжэчжоу понаехало полно знатных сынков. С их-то учителями и деньгами простому люду за ними не угнаться. Стена, которую не перепрыгнуть.

— И я слышал! Вроде даже Второй молодой господин Шэнь из столицы решил попытать удачу!

При упоминании этого имени Линьси мгновенно выпрямился, и в его глазах вспыхнул лихорадочный блеск.

«Неужели?! Неужели это ОН?! Неужели тот самый прекрасный принц?!»

Неужели он тоже решил участвовать в экзаменах?

«Если это так, — сердце юноши забило чаще, — то сдав провинциальный отбор, я смогу встретиться с ним в столице на столичных испытаниях!»

Эта весть заставила его кровь закипеть. Он заставил себя сидеть смирно и слушать дальше, не выдавая своего волнения.

— Ну, если Второй молодой господин Шэнь участвует, то звание Чжуаньюаня — первого среди лучших — уже считай у него в кармане.

Цзи Линьси довольно закивал. Всё верно: с талантом и статью прекрасного принца это звание достанется ему без труда.

«Что ж, я готов уступить ему первенство. Мне хватит и второго места — Банъяня».

— А как же остальные места? Говорят, сын канцлера Вана тоже подал прошение. И молодой

принц Лоу, сын принцессы Цинъян из Чжэчжоу тоже примет участие... Куда уж простому смертному тягаться с такими именами?

— Даже если кто из бедняков и окажется гением, император не отдаст им почетные места в финале. Это ж какой удар по лицу великих домов! Подумать только: отпрыски знатнейших семей проиграли какому-то выскочке. Засмеют ведь!

Для Линьси, который уже мысленно примерил на себя лавры второго призера, эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Он замер с открытым ртом, не в силах скрыть изумления.

Что?

Юноша был амбициозен, но не глуп. Он понимал: даже если он сдаст этот экзамен, путь к вершине будет прегражден горами, которые не преодолеть одним лишь усердием. Его охватила тревога.

«Если всё так, как говорят эти люди, что мне делать?»

Его острый ум лихорадочно искал выход, но не находил его. Неужели придется смириться и остаться в тени этих знатных сынков? Прекрасный принц дал ему шанс, а он сможет ухватить лишь малую его часть? Отправиться в какую-нибудь глушь уездным судьей и дожидаться старости?

К тому времени, как он добьется власти, принц наверняка уже обзаведется семьей или падет в объятия какого-нибудь вельможи. От одной мысли об этом Линьси готов был рвать на себе волосы.

«Нет! Ни за что! Этого нельзя допустить!»

Он мечтал о власти и прекрасном принце под боком, а не о том, чтобы из далекого захолустья наблюдать за чужим счастьем. Иначе ради чего он писал свои эротические рассказы? Чтобы они стали былью для кого-то другого?!

Линьси стиснул зубы. Аппетит пропал, а в душе воцарился хаос. Он уже собирался вернуться в комнату, чтобы обдумать положение дел, как к нему подошли несколько человек. Это были такие же ученые, как и он. Судя по их удрученным лицам, они тоже искали утешения у собратьев по несчастью.

— Позвольте узнать, почтенный брат тоже прибыл для сдачи провинциального экзамена? — Самый на вид благообразный из них отвесил Линьси вежливый поклон.

Юноша хмуро окинул его взглядом. Незнакомец, приняв его хмурость за общее горе, тяжело

вздохнул:

— Кажется, нам и впрямь не повезло. Кто же знал, что в этот раз на экзамен заявятся отпрыски великих семей столицы и Чжэчжоу? Моё имя — Су Цили, я из местной академии Цзянлина. А вы откуда будете?

«Местный? Значит, при деньгах», — Линьси быстро оценил наряд собеседника. Лицо его тут же разгладилось, приобретая вежливое выражение:

— Моё имя — Цзи Линьси, из академии Юэтянь в Юнчэне.

— Ах, брат Цзи! — Су Цили вновь поклонился, на этот раз более радушно. — Как говорится, все бедные ученые — одна семья. Сегодня нас свела судьба, почему бы нам не стать друзьями?

«Бедные ученые — одна семья? — Линьси скептически оглядел его шелковые одежды. — Что-то ты не слишком похож на бедняка».

В преддверии экзамена любая неожиданная любезность пахла подвохом. Он прищурился, а затем расплылся в улыбке:

— С радостью. Буду рад вашим наставлениям, брат Су.

Он сложил руки в приветствии, принимая вид благородного мужа. Су Цили представил ему своих спутников: один был его сокурсником из Цзянлина, а двое других прибыли из уезда Чичэн.

Вспомнив услышанное, Линьси притворно вздохнул:

— Столько лет корпеть над книгами, чтобы в итоге столкнуться с такой несправедливостью... Как тут не впасть в уныние? Брат Су, вам не ведомо, отчего вдруг столько знатных особ решило почтить этот экзамен своим присутствием?

Су Цили огляделся по сторонам, увлек его в сторону и жестом велел остальным подойти поближе.

— У меня есть дальний родственник в столице, мелкий чин, — прошептал он. — По его словам, императору уже за сорок, и здоровье его пошатнулось. К тому же многие важные сановники скоро достигнут возраста отставки. Тот, кто проявит себя на экзаменах в этом и следующем году, попадет в струю. Продвижение будет стремительным — не придется годами просиживать штаны в ожидании вакансии.

— Сами посудите, если с Его Величеством... — Су Цили едва заметным жестом указал на

сердце. — Если он отойдет от дел, трон займет наследный принц или шестой принц. А новый государь всегда набирает новых людей. Вот знатные семьи и спешат пристроить своих отпрысков, чтобы сохранить влияние рода и обеспечить им блестящее будущее. Иначе с чего бы им всем вдруг так дружно податься в ученые?

Простые люди видят в экзамене лишь шанс на жизнь, а сильные мира сего — возможность извлечь из ситуации максимальную выгоду.

<http://bllate.org/book/15344/1412567>